

УДК 1:[304+351/354]

DOI 10.25799/AR.2019.41.1.011

Неоконсервативная модель государственного управления в философии евразийства

Шишкова Анастасия Викторовна

Кандидат философских наук,
доцент,

кафедра философии,

Государственный университет управления,

109542, Российская Федерация, Москва, просп. Рязанский, 99;

e-mail: avs.guu@gmail.com

Аннотация

В работе рассматривается социокультурная модель управления российским государством, сформировавшаяся в рамках евразийского движения. Целью работы является анализ ключевых принципов и особенностей евразийской модели управления, которые позволяют рассматривать ее в рамках традиции русского консерватизма и которые сближают ее с неоконсервативными моделями. В первой части статьи выделены аспекты евразийской концепции управления государством, указывающие на то, что евразийское течение, будучи прежде всего реакцией на русскую революцию начала XX века, во многом сохранило традиции дореволюционной консервативной политической мысли. Среди этих принципов – культ религии и церкви, культ патриотизма и государственного порядка, полезность социальной иерархии, понимание неразрывности свободы и нравственности, историко-органический подход к правосознанию, приоритет внутреннего содержания над формой политического строя. В заключительной части статьи указаны специфические черты евразийской концепции, характерные для современного понимания неоконсерватизма. В евразийской модели, как и в неконсервативных, подчеркивается сочетание сильной власти и защиты традиционных ценностей с уважением свободы отдельного индивида. Евразийское государство – государство стабилизированного общественного мнения с обязательным принципом народного представительства.

Для цитирования в научных исследованиях

Шишкова А.В. Неоконсервативная модель государственного управления в философии евразийства // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 1А. С. 114-125.

Ключевые слова

Евразийство, идеократия, консерватизм, неоконсерватизм, государственное управление.

Введение

Активный процесс осмысления национальной культуры начинается в России в первой половине XIX в. — и в это время происходит формирование русского политического консерватизма как ответ на вызовы и угрозы, с которыми столкнулась Российская империя.

Многие исследователи подчеркивают, что консерватизм всегда является реакцией на общественные потрясения. Как справедливо замечает один из них, «консервативные идеологии возникают тогда, когда в обществе прекращается автоматическое, неререфлексирующее, неосознанное следование традиционным нормам общежития, когда происходит покушение на историческую традицию извне и изнутри со стороны наименее традиционно укрепленных слоев социального организма» [Гусев, 2001, 209-210]. Таким образом, главным системообразующим принципом консерватизма как политической идеологии выступает принцип следования социальной традиции. В рамках указанного подхода современный исследователь В.А. Гусев выделяет в русском консерватизме три этапа развития: 1) Дореволюционный этап — реакция на Великую Французскую революцию, процесс обуржуазивания Запада и влияние этого процесса на Россию. 2) Эмигрантский — реакция на революцию 1917 года и ее социальные последствия. 3) Современный — реакция на политические процессы в нашей стране, начало которых относится ко второй половине 1980-х гг. [Гусев, 2001, 211]. Евразийцев, наряду с И.А. Ильиным и И.Л. Солоневичем, автор относит к представителям эмигрантского этапа.

Евразийское движение сформировалось в 20-х-30-х гг. XX в. в среде русской эмиграции. Евразийцы определяли себя следующим образом: «Евразийство есть пореволюционное политическое, идеологическое и духовное движение, утверждающее особенности культуры Российско-Евразийского мира» [Евразийство, 1932, 7].

В рамках евразийской доктрины Евразия являет собой срединный континент, в топографическом плане объединяющий Восточно-Европейскую, Сибирскую и Туркестанскую равнины, возвышенности и горы, отделяющие их друг от друга. Этот континент имеет свои географические, климатические, биологические и другие особенности, что отличает его от Евразии как совокупности земель Европы и Азии и определяет особую экономическую и политическую жизнь проживающих на его территории народов. Большую часть этого пространства занимает Россия, что позволило евразийцам ввести в обиход термин «Россия-Евразия». Все народы «России-Евразии» принадлежат к единому культурному и этнофилософскому миру со своей собственной историей и особым путем развития, органически соединившему в себе элементы Востока и Запада. Евразийцы рассматривают культуру как особую «симфоническую личность», в которой компонентом общественного бытия является не индивидуум, а «многочеловеческая» соборная личность, части которой органично соединены и раскрываются исключительно во взаимодействии, образуя единство. В этой ситуации народ выступает как организованная согласованная целостность социальных групп, а культура народа как симфоническое единство «многонародной» личности. Таким образом, культура одновременно является объективацией симфонической личности и осуществляется через индивидуумов [Карсавин, 1997, 176-177]. Кроме этого, в евразийской концепции государства заложена идея «месторазвития» [Савицкий, 1997, 332], предполагающая создание на территории России-Евразии единого государства [Замараева, Шишкова, 2015, 7].

Нам представляется возможным говорить о том, что ряд особенностей евразийской модели государственного устройства позволяют отнести ее к консервативной традиции, однако при этом некоторые аспекты управленческого идеала евразийцев сближают его с неоконсервативными установками. В современной политологической науке неоконсерватизм предстает как новейший вариант социального консерватизма, в котором идеи классического консерватизма сближаются (а не противостоят как раньше либерализму и социализму) с идеалами неолиберализма и социал-демократии. Неоконсерватизм указывает на необходимость возврата к сильному государству, но представляет его как правовое социально-ориентированное государство, сочетающее уважение к свободе отдельного индивида и защиту традиционных ценностей.

Определяя русский консерватизм как осознанный традиционализм, В.А. Гусев выводит основные принципы и ценности консерватизма из принципа следования традиции, антирационализма и антииндивидуализма. К этим принципам относятся следующие: культ религии и церкви, культ патриотизма, государственного порядка, отрицание революций, принцип осторожности перемен, полезность социальной иерархии. Русскому консерватизму также свойственно понимание неразрывности свободы и нравственности и неоднозначной сущности человека, историко-органический подход к правосознанию, приоритет внутреннего содержания над формой политического строя [Гусев, 2001, 209].

Евразийское движение, признавая неизбежность революции и указывая на необходимость полностью принять факт этой неизбежности, было направлено не только на осмысление причин и последствий революции, но и на практическое преобразование российского общества. В связи с этим мы не можем говорить об исповедании в полной мере евразийцами принципов отрицания революции и осторожности перемен, хотя необходимо отметить, что, предчувствуя и приветствуя перемены в устройстве российской жизни, евразийцы настаивали на органичной трансформации государственного порядка, обращаясь к историческому опыту российской государственности в поисках народного идеала управления. Остальные же принципы, указанные выше, присутствуют в евразийской доктрине и будут рассмотрены нами ниже.

Оценка русской революции и антизападничество

Как уже указывалось выше, в своих истоках евразийство являлось пореволюционным движением и ставило своей целью найти такой выход из революции, который отвечал бы задаче построения особого евразийского мира и при этом органически продолжал историю становления новой России. Согласно евразийской доктрине, революция явилась закономерным итогом раскола между народом и властью и отчуждением правящего слоя и интеллигенции от исконно русской культуры. Таким образом, осмысление революции тесно смыкалось в евразийском учении с критикой западнических идей, наследуя тем самым дореволюционному консерватизму.

Отсутствие близкой народу правды в государственном устройстве, идеологический разрыв между властью и народом, имущественный разрыв между верхами и низами российского государства, кризис всей политической системы привели к развалу империи. В программном манифесте 1927 года евразийцы указывали: «...отличительное для императорской России стремление ее правителей рабски копировать Запад означало, что ими утрачено понимание реальных свойств и особенностей российско-евразийского мира. Такое несоответствие должно

было повлечь катастрофу императорской России. Катастрофа эта последовала в революции 1917 г.» [Евразийство, 1993, 217].

При этом, несмотря на характеристику революции как катастрофы, евразийцы признавали за ней и положительную роль, которая состояла в освобождении России из-под гнета органически чуждой ей западноевропейской культуры: «Одной из задач революции евразийцы считают восстановление своеобразия евразийского мира и установления соответствия между сознанием правящей и интеллектуальной верхушки России-Евразии и условиями окружающей обстановки. Положение это имеет существеннейшее значение в определении направления, в котором следует развивать и преобразовывать нынешний строй СССР» [Евразийство, 1993, 217-218].

Как отмечает уже упомянутый исследователь В.А. Гусев, антибуржуазное антизападничество, характерное для большевизма, евразийцы рассматривали в качестве одной из важнейших позитивных черт, привнесенных революционной катастрофой [Алексеев, 2001, 146]. Однако если с последней частью данного высказывания нельзя не согласиться, то вопрос об отношении евразийцев к большевистской антизападной политике несколько сложнее.

В трудах многих евразийцев представлен критический анализ западных идей. Так, Н.Н. Алексеев, выделяя различные виды западничества в работе «Русское западничество» (1929), особенно отмечал реакционное западничество, зародившееся с увлечения Пруссией в петровские времена и продолжившее свое шествие в правлении Павла I, Александра I и Николая I. Реакционное западничество сыграло фатальную роль в русской истории: «Не будь его, весь стиль русского государства, вся его внутренняя и внешняя политика были бы иными. Иной была бы и вся его история, включая и новейший период» [Алексеев, 1998, 121]. Попытка Петра европеизировать русскую монархию привела к усилению разрыва между верхами и низами российского общества. Реакционное западничество стало государственной практикой, а европеизация разрушила национальное единство, что привело к потере национального лица и забвению исторической сущности страны. Таким образом, революция и свержение царской власти становились неизбежны, и в революции евразийцы видели освобождение от европоцентристской политики правящих кругов послепетровской России [Замараева, Шишкова, 2015, 23-24].

Несмотря на признание ряда преимуществ советского режима, на момент до раскола евразийского движения, этот режим принимался евразийцами только в качестве исходного материала для дальнейшей эволюции. Главным недостатком являлась несовместимость идеологических моделей. Н.С. Трубецкой, считал, что с Петра Великого начался период русской истории, который можно назвать «антинациональной монархией», продолжательницей европеизаторских традиций которой стала новая коммунистическая власть [Трубецкой, 1995, 258]. Коммунистические и социалистические идеи – это порождение романо-германской цивилизации, и советская власть не освободила Россию от «ига европейской цивилизации», а, наоборот, стремилась это иго укрепить. Поэтому первым шагом при построении евразийского идеократического государства должна была стать замена коммунистического начала евразийским. Основной целью евразийства становилось творческое преодоление Запада путем «исхода к Востоку» и построение новой синтетической евразийской культуры. Н.Н. Алексеев утверждал, что «...задача евразийства становится не только национальной, но и вселенской:

русский народ должен в себе и через себя преодолеть западного человека, который распространил свою культуру на весь мир» [Алексеева, 1998, 144].

Положительная миссия государства

Неразрывная связь свободы и нравственности, культ религии и церкви, патриотизма и государственного порядка нашли свое отражение в евразийской концепции российского государства, построенного на христианско-мессианских духовных основах.

Россия-Евразия, по мысли евразийцев, шла долгим путем к своему государственному идеалу не путем рационального сознания, а через религиозно-нравственный опыт. В народе во все века жила мечта создать «государство правды», в котором государственные ценности имели бы непреходящее значение и определяли бы поступки людей. Как подчеркивал один из евразийцев К.А. Чхеидзе, «чтобы жить и трудиться во всей полноте, несомненности и благословенности, каждый русский (и вообще евразиец) должен верить и знать — ради чего он трудится и живет» [Чхеидзе, 1935, 53].

Характеризуя идеал государства в работе «Религия, право и нравственность» (1930), Н.Н. Алексеев указывал, что «христианское государство не может ограничиться охраной и обеспечением прав свободы. Охрана прав свободы является делом чисто отрицательным, не накладывающим на государство никакой положительной миссии. Охраняя эти права, государство ограничивает свою роль деятельностью «ночного сторожа», который исполняет положительные функции только тогда, когда нарушено чье-либо право или когда оно находится в опасности. Такая чисто отрицательная роль не совместима с началами любви и общественного служения, которые [...] составляют основную задачу христианства. Любви и общественному служению соответствует такая политика, которая облакает государство миссией положительной» [Алексеев, 1930, 100].

Положительная миссия государства в модели Н.Н. Алексеева выводилась ученым из нескольких источников. Во-первых, он говорил о том, что любое государство несет в себе начала нравственности. Примером может служить законодательство практически любого государства, где установленные нормы несут в себе определенные религиозно-нравственные начала. Во-вторых, ценность государства должна опираться на высшие ценности. Высшая задача каждого человека — нравственное самосовершенствование. Это внутренняя задача, которая не решается внешне-принудительными средствами, однако государство может и должно создавать все возможности для решения этой задачи. Соответственно, главное право каждого человека — право на достойную жизнь и духовное развитие, и вся государственная политика должна быть подчинена в первую очередь обеспечению этого права. В-третьих, в евразийской концепции государство должно играть активную роль во всех сферах общественной жизни, то есть воплощать свою положительную миссию в жизнь. Последнее несет в себе определенную идеологическую опасность, поэтому здесь уместно вспомнить о том, что Н.Н. Алексеев, говоря об участии государства, решительно отмежевывал «гарантийное государство» от государств либеральных и доктринальных. В либеральных государствах произошла секуляризация личной нравственности от принудительно установленного государством общественного быта [Алексеев, 1930, 30-31]. Доктринальное государство, напротив, считает необходимой полную идеологическую организацию общественной жизни, всеми средствами принуждая граждан к исповеданию определенного мировоззрения. Н.Н.

Алексеев стремился избежать этих крайностей и создать такую модель государственного устройства, где в полном соответствии с евразийскими воззрениями органично бы сочетались охрана прав свободы отдельного гражданина и социальная помощь со стороны государства, право личности на духовную свободу и единая государственная политика, типичная для Запада нацеленность на посягательный мир и свойственное Востоку внимание к миру потустороннему.

Таким образом, евразийское государство одухотворяется религиозным идеалом и дает населению широкие политические и социальные гарантии.

Историко-органический подход к правосознанию и концепция правообязанности

Соотношение права и нравственности, права и свободы занимают важное место в философии русского зарубежья. Этой теме посвящены труды Н.А. Бердяева и Н.Н. Алексеева, С.Л. Франка и И.А. Ильина. Лучшие представители русской религиозной философии строили свои концепции на основе религиозных ценностей: веры, любви, свободы, совести, патриотизма. Говоря о правовой сфере, философы видят в законе и праве средство преодоления греховности, осмысливают право с позиций категорий этических: добра и зла. Так, по мысли И.А. Ильина, право уравнивает добро и зло. «Единая отрицательная задача понуждения и пресечения: отрезать пути к злодейству, оставляя открытым путь единения. Это далеко еще не создание рая, но это есть исключение ада и поддержание внешнего чистилища для дальнейшего внутреннего делания» [Ильин, 1925, 166], — писал философ. Ограничивая свободу в совершении зла, право обеспечивает свободу добру и духовному совершенствованию [Актуальные ..., 2018, 36].

Роль ведущего теоретика государственно-правовой доктрины евразийства принадлежит Н.Н. Алексееву, он же в наибольшей мере обосновал сам термин «государство правды».

В представлении евразийцев государство — это союз правды и мира. Евразийская теория «государства правды» и «гарантийного государства» представляет собой взгляд на государственность, которая коренным образом отличается от западной. Сравнительный анализ быта и нравов русского народа, официальных документов, литературных и правовых памятников России различных исторических периодов привели Н.Н. Алексеева к выделению специфических черт менталитета русского народа, которые обусловили своеобразные правовые представления, не совпадающие с западной традицией.

Здесь следует оговориться, что «государство правды» евразийцы отличают от европейского понятия «правовое государство»: «государство правды и правовое государство — два различных мирозерцания: для первого характерен религиозный пафос, для второго — материальные устремления, в первом правят герои, во втором — серые, средние люди» [Шахматов, 1923, 76], — отмечал в этой связи один из евразийских историков М.В. Шахматов [Шахматов, 1923]. Такое государство осуществляет гармоничный синтез права и обязанности.

Н.Н. Алексеев в своих работах вводит понятие правообязанности в противовес западному понятию права. Под правообязанностью ученый понимал определенный вид правоотношений, в котором имеет место внутреннее, органическое сочетание прав и обязанностей. В работе «Обязанность и право» (1928) Н.Н. Алексеев писал, что права и обязанности могут сочетаться внешне (механически) или внутренне (органически). В последнем случае «на место отдельного

от обязанности права и отдельной от права обязанности получается то, что можно было лучше всего назвать русским словом правообязанность» [Алексеев, 1998, 158].

«Правящий отбор» как ключевой момент организации евразийского государства

Внимание к социальной иерархии и приоритет внутреннего содержания над формой политического строя также характерны для евразийской доктрины.

«Мы, русские, — пишет, в частности, Н.С. Трубецкой, — должны, прежде всего, отказаться от европейских форм политического мышления, перестать преклоняться идола (к тому же чужому) “формы правления”, перестать верить в возможность идеального законодательства, механически и автоматически гарантирующего всеобщее благополучие, словом, должны оставить взгляд на человеческое общество как на бездушный механизм, — взгляд, на котором основаны все современные социально-политические идеологии. Не в совершенном законодательстве, а в духе, созидающем и укрепляющем государство через быт и устойчивую идеологию, следует искать грядущий идеал. Задача современности — не в юридической спекуляции, а в создании устойчивой духовной базы и в бытовом ее воплощении» [Трубецкой, 1995, 326]. Вопрос о форме правления (монархия или республика), таким образом, не является основным политическим вопросом, так как монархия или республика отличаются только тем, срочные или бессрочные функции у главы государства. Важнее определить, каковы эти функции, каковы обязанности главы государства. Гораздо более существенным является тип отбора «правлящего слоя», который предполагает и форму правления, оптимальную для него, но не исключает и возможностей сочетания с другими формами правления: «Взгляд на государственно организованное человеческое общество как на живое организованное единство предполагает существование в этом обществе особого *правлящего слоя*, т.е. совокупности людей, фактически определяющих и направляющих политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь общественно-государственного целого» [Трубецкой, 1995, 407].

Новый тип отбора общественного устройства евразийцы называют идеократическим строем, «идеократией», подчеркивая тем самым господство идеи. При этом основным и первичным признаком отбора правящего слоя при идеократии является общность мирозерцания: «Под идеократией же понимается строй, в котором правящий слой отбирается по признаку преданности одной общей идее-правительнице» [Трубецкой, 1995, 438].

Первоначально о власти идеи как определяющей характеристике государственного строя писал П.Н. Савицкий в работе «Подданство идеи» (1923), дальнейшее оформление эта концепция получила в трудах Н.С. Трубецкого, который ввел в евразийскую доктрину понятие «идеи-правительницы». «Идея-правительница» становится сущностью новой власти, ее структурирующим моментом, ей же принадлежит роль архетипа данной культуры, который определяет развитие этой культуры, соединяя этнические, географические, исторические и психологические компоненты: «...идеи-правительницей подлинно идеократического государства может быть только благо совокупности народов, населяющих данный автаркический мир» [Замараева, Шишкова, 2015, 75]. В качестве такой «идеи-правительницы» евразийцы предлагают «общеевразийский национализм», который понимается ими как общий наднациональный интерес народов России-Евразии, способствовавший созданию самого российского государства, определявший и направлявший в течение веков его внешнюю и внутреннюю политику, идеологию, культуру [Замараева, Шишкова, 2015, 75].

Идеократия – это очень сильная и близко стоящая к народу власть, которая соединяет в себе независимость народных масс и руководящее начало. Слабость демократического слоя, по мнению евразийцев, заключается в том, что общественное мнение склонно превращаться в нем в совокупность переменчивых народных настроений. Поэтому, чтобы государство не распалось вследствие противоречий, общественное мнение должно быть стабилизировано на основе общих ценностей и идей, лежащих в фундаменте государственной программы. Несмотря на многопартийный режим и выборную программу, в жизнеспособных западных демократических режимах такое согласие есть, в государстве присутствует, «некоторая политическая константа» [Алексеев, 1998, 181]. Идеократия же ставит своей задачей выявление, идеологическое обоснование и закрепление данной константы на государственном уровне: «Мы стремимся сознательно зафиксировать в политическом бытии нашего государства то, что западные демократии старательно прячут: путеводную идею государства, как целого, его основное призвание, его цель. В этом смысле можно назвать наше государство идеократией или иначе государством стабилизированного общественного мнения» [Алексеев, 1998, 181]. Народ в таком государстве является выразителем общественного мнения, он проникнут духом государственной идеи и интуитивно улавливает ее, но в силу того, что государственная идея сложна для восприятия, не может в полной мере воплотить ее на уровне государственного строительства. Поэтому необходима особая группа населения, которая возьмет на себя задачу согласования действий и воззрений народных масс, стабилизируя общественное мнение на основе государственной идеи [Замараева, Шишкова, 2015, 68-69].

Заключение

Подведем итоги. Исходным положением евразийского учения является утверждение о том, что культурная компонента в государственном устройстве превалирует над национальной и расовой, более того, в евразийской доктрине само государство является вторичной формой бытия культуры. Жизнь и устройство российского государства детерминированы социально-культурными, геополитическими и этнографическими особенностями евразийского пространства, и усовершенствование государственного управления не может происходить без учета этих особенностей. В евразийской модели, учитывающей эти особенности, российское государство — это наднациональное целое, построенное на христианско-мессианских духовных основах с обязательным учетом самобытных интересов каждой национальности. Евразийскому государству свойственен этатизм: государство должно быть сильным и играть активную роль во всех сферах общественной жизни, причем отправным пунктом является признание за государством положительной миссии и обязанности нести нравственное начало. Такое государство евразийцы называют идеократическим, исходя из того, что сильным может быть только государство с сильной идеологией, иными словами, существует правящая идея, разделяемая всеми гражданами и, прежде всего, находящейся у власти элитой.

В евразийской концепции управления государством в той или иной степени отражен ряд указанных в первой части работы принципов — культ религии и церкви, культ патриотизма и государственного порядка, полезность социальной иерархии, понимание неразрывности свободы и нравственности, историко-органический подход к правосознанию, приоритет внутреннего содержания над формой политического строя.

Таким образом, можно согласиться с В.А. Гусевым, что эмигрантская волна русского консерватизма, к которой относятся евразийцы, будучи прежде всего реакцией на русскую революцию начала XX века, во многом сохранила в своем творчестве традиции

дореволюционной консервативной политической мысли. Евразийцы, стоящие на историософских позициях теории культурных типов Данилевского (но ни в коем случае ни его панславизма) и перерабатывающие применительно к новым условиям идеи Леонтьева об обращении России к Востоку, находятся в русле консервативной традиции, заложенной именно этими мыслителями [Гусев, 2001, 151].

Тем не менее, ряд особенностей евразийского движения позволяет рассматривать его как выходящее за рамки чисто консервативного. Зарубежный исследователь Л. Люкс отмечает, что «в противовес славянофильским и панславистским течениям XIX столетия в случае евразийцев речь идет не о консервативном или консервативно-либеральном, а о революционном движении» и проводит параллели с моделью немецкой «консервативной революции» [Люкс, 2003, 23]. На наш взгляд евразийская концепция устройства государства несет в себе черты идеологии неоконсерватизма.

Придерживаясь этатистских взглядов, евразийцы считали, что государство должно взять на себя задачу организации культуры и быта, воплощая народные чаяния и задавая (при опоре на религию) нравственные ориентиры. Воплощение народных чаяний — учет общественного мнения, иными словами, — был принципиально важным моментом. Критикуя демократический выборный принцип за конъюнктурность сменяющихся друг друга политиков, за то, что настроения голосующего корпуса граждан не равны воззрениям всего народа как единого целого («симфонической личности»), евразийцы, тем не менее, настаивали на реализации в механизме государственного управления принципа народного представительства, которое выражает динамическое начало общественной жизни, донося до органов управления общественный запрос. Евразийцы называли идеократическое государство государством стабилизированного общественного мнения.

В современном российском политическом дискурсе тема сильного государства встречается очень часто. Современная политология называет сложившийся в стране на данный момент режим гибридным — это понятие используется рядом исследователей для описания недемократических режимов, сочетающих в себе элементы демократии и авторитаризма. Не будучи ни диктатурой, ни демократией, российский режим сочетает в себе авторитарное начало с имитацией ряда демократических институтов. В силу своего имитационного характера институты эти не могут в полной мере выполнять поставленные перед ними задачи, таким образом, отсутствует необходимый элемент процесса управления — обратная связь. Иными словами, нет возможности уловить и стабилизировать то самое общественное мнение, запрос на выражение которого существует.

Попытки внести нравственное начало в государственный механизм, ожидание (часто неосознанное) от властных структур не просто эффективного, но, в первую очередь, справедливого управления, возложение на властные структуры задачи этического водительства и организации культуры на практике приводят к разочарованию, выражающемуся как в апатии граждан и полном растождествлении себя с институтами государственного управления, так и в протестных настроениях. Более того, подобное восприятие государства плохо соотносится с либеральной моделью (согласно которой государство — это, прежде всего, сервис, отвечающий на общественные запросы и через это легитимизирующийся) и является одной из причин, затрудняющих становление российского гражданского общества.

Евразийская модель очень четко описывает данные противоречивые настроения российского народа и заслуживает внимания в силу того, что ее ценностное наполнение учитывает специфику национальных, геополитических, исторических и культурных особенностей российского общества, а именно это специфика, порождая конфликт внешних

требований и внутренних потребностей, часто является причиной недостаточной эффективности модернизационных проектов.

Библиография

1. Актуальные философско-культурологические проблемы управления: монография/ Государственный университет управления, кафедра философии; [отв. Ред. М.Ю. Захаров]. М.: Издательский дом ГУУ, 2018. 198 с.
2. Алексеев Н.Н. Духовные предпосылки евразийской культуры // Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 142-154.
3. Алексеев Н.Н. Евразийцы и государство // Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 169-185.
4. Алексеев Н.Н. Обязанность и право // «Русский народ и государство». М.: Аграф, 1998. С. 155-168.
5. Алексеев Н.Н. Религия, право и нравственность. Париж: YMCA PRESS, 1930. 106 с.
6. Алексеев Н.Н. Русское западничество // Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 120-141.
7. Гусев В.А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь, 2001. 235 с.
8. Евразийство (Формулировка 1927 года) // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 217-229.
9. Евразийство: Декларация, формулировка, тезисы. Прага: Евраз. кн-во, 1932. 28 с.
10. Замараева Е.И., Шишкова А.В. Евразийская социокультурная концепция управления российским государством: монография. М.: ГУУ, 2015. 138 с.
11. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою. Берлин, 1925. 221 с.
12. Карсавин Л.П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 174-217.
13. Люкс Л. Заметки о «революционно-традиционалистской» культурной модели «евразийцев» // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 23-34.
14. Савицкий П.Н. Геополитические заметки по русской истории // Континент Евразия. М.: Аграф. 1997. С. 301-331.
15. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 211-267.
16. Трубецкой Н.С. О государственном строе и форме правления // История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 406-428.
17. Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства // История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 438-444.
18. Трубецкой Н.С. У дверей. Реакция? Революция? // История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 319-327.
19. Чхеидзе К.А. Идеократическое содержание хозяйства // Евразийская хроника. Вып. 11. Берлин, 1935. С. 51-56.
20. Шахматов М.В. Подвиг власти (опыт по истории государственных идеалов России) // Евразийский временник. Кн.3. Берлин, 1923. С. 55-80.

Neoconservative model of the state management in the philosophy of Eurasianism

Anastasiya V. Shishkova

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy,
State University of Management,
109542, 99, Ryazanskii av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: avs.guu@gmail.com

Abstract

The article considers a socio-cultural model of management of the Russian state developed in the framework of the Eurasian movement. The study objective is to analyze the key principles and

features of the Eurasian model of management which allow to consider it in the context of the traditions of Russian conservatism and align it with neoconservative models. In the first part of the article, aspects of the Eurasian concept of state management are identified. These aspects indicate that the Eurasian movement being, in the first place, a reaction to the Russian revolution of the beginning of the 20th century, largely preserved the traditions of pre-revolutionary conservative political thought. Among these principles are the cults of religion and church, patriotism and state-imposed order; usefulness of social hierarchy, an understanding of continuity between freedom and morality, historically organic approach to legal conscience, priority of internal contents above the form of political order. Conclusion of the article presents specific features of the Eurasian concept characteristic of the modern understanding of neoconservatism. In the Eurasian model, same as in the neoconservative ones, an emphasis is made on a combination of strong authority and safeguarding of traditional values with respect towards individual freedom. The Eurasian state is a state of stabilized public opinion with statutory principle of representation of the people.

For citation

Shishkova A.V. (2019) Neokonservativnaya model' gosudarstvennogo upravleniya v filosofii evraziistva [Neoconservative model of the state management in the philosophy of Eurasianism]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (1A), pp. 114-125.

Keywords

Eurasianism, ideocracy, conservatism, neoconservatism, government.

References

1. Aktual'nye filosofsko-kul'turologicheskie problemy upravleniya: monografiya [Actual philosophical and cultural problems of management: monograph]. *Gosudarstvennyi universitet upravleniya, kafedra filosofii* [State University of Management, Department of Philosophy]. Moscow: GUU Publ.
2. Alekseev N.N. (1998) Dukhovnye predposylki evraziiskoi kul'tury [Spiritual prerequisites of the Eurasian culture]. *Russkii narod i gosudarstvo* [Russian people and state]. Moscow: Agraf Publ., pp. 142-154.
3. Alekseev N.N. (1998) Evraziitsy i gosudarstvo [Eurasians and the state]. *Russkii narod i gosudarstvo* [Russian people and state]. Moscow: Agraf Publ., pp. 169-185.
4. Alekseev N.N. (1998) Obyazannost' i pravo [Duty and law]. *Russkii narod i gosudarstvo* [Russian people and state]. Moscow: Agraf Publ., pp. 155-168.
5. Alekseev N.N. (1930) *Religiya, pravo i npravstvennost'* [Religion, law and morality]. Paris: YMCA PRESS.
6. Alekseev N.N. (1998) Russkoe zapadnichestvo [Russian Westernism]. *Russkii narod i gosudarstvo* [Russian people and state]. Moscow: Agraf Publ., pp. 120-141.
7. Chkheidze K.A. (1935) Ideokraticeskoe sodержanie khozyaistva [Ideocratic content of the economy]. *Evrasiiskaya khronika* [Eurasian Chronicle], 11, pp. 51-56.
8. *Evrasiistvo: Deklaratsiya, formulirovka, tezisy* [Eurasianism: Declaration, wording, theses]. Praga: Evraz. kn-vo Publ.
9. *Evrasiistvo (Formulirovka 1927 goda)* [Eurasianism (The formulation of 1927)]. *Rossiya mezhdru Evropoi i Aziei: Evraziiskii soblazn. Antologiya* [Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation. Anthology]. Moscow: Nauka Publ., pp. 217-229.
10. Gusev V.A. (2001) *Russkii konservatizm: osnovnye napravleniya i etapy razvitiya* [Russian conservatism: the main directions and stages of development]. Tver.
11. Il'in I.A. (1925) *O soprotivlenii zlu siloyu* [On Resistance to Evil by Power]. Berlin.
12. Karsavin L.P. (1993) Osnovy politiki [Policy Basics]. *Rossiya mezhdru Evropoi i Aziei: Evraziiskii soblazn. Antologiya* [Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation. Anthology]. Moscow: Nauka Publ., pp. 174-217.
13. Lyuks L. (2003) Zametki o «revolyutsionno-traditsionalistskoi» kul'turnoi modeli «evraziitsev» [Notes on the “revolutionary-traditionalist” cultural model of “Eurasians”]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 7, pp. 23-34.
14. Savitskii P.N. (1997) Geopoliticheskie zametki po russkoi istorii [Geopolitical notes on Russian history]. *Kontinent Evraziya* [Continent Eurasia]. Moscow: Agraf Publ., pp. 301-331.

-
15. Shakhmatov M.V. (1923) Podvig vlasti (opyt po istorii gosudarstvennykh idealov Rossii) [The feat of power (experience in the history of the state ideals of Russia *Evrasiiskaya khronika* [Eurasian Chronicle], 3, pp. 55-80
  16. Trubetskoi N.S. (1995) Nasledie Chingiskhana [The heritage of Genghis Khan]. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [Story. Culture Tongue]. Moscow: Progress Publ., pp. 211-267.
  17. Trubetskoi N.S. (1995) O gosudarstvennom stroe i forme pravleniya [On the state system and form of government]. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [Story. Culture Tongue]. Moscow: Progress Publ., pp. 406-428.
  18. Trubetskoi N.S. (1995) Ob idee-pravitel'nitse ideokraticeskogo gosudarstva [On the idea of the ruler of the ideocratic state]. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [Story. Culture Tongue]. Moscow: Progress Publ., pp. 438-444.
  19. Trubetskoi N.S. (1995) U dveri. Reaktsiya? Revolyutsiya? [At the door. Reaction? Revolution?]. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [Story. Culture Tongue]. Moscow: Progress Publ., pp. 319-327.
  20. Zamaraeva E.I., Shishkova A.V. (2015) *Evrasiiskaya sotsiokul'turnaya kontsepsiya upravleniya rossiiskim gosudarstvom: monografiya* [Eurasian Socio-Cultural Concept of Management of the Russian State: monograph]. Moscow: GUU Publ.